

Виктор Точинов

Хроники ЛИАПа или Сказки о потерянном времени

Виктор Точинов

**Хроники ЛИАПа или Сказки
о потерянном времени**

«Точинов Виктор»

Точинов В. П.

Хроники ЛИАПа или Сказки о потерянном времени /
В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,

Если писатель-профессионал берется записать байки, бродившие по институту и его общежитиям двадцать лет назад, то получиться может что угодно: и юмористическая проза, и криминальный триллер, и ужастик, приправленный мистикой... Странные, очень странные истории случались со студентами и преподами ЛИАПа, порой смешные, порой страшноватые.

Содержание

Пролог	5
Графинчик (легенда о доценте Шашине)	7
Терминатор Дядькин	9
Легенда о великом потопе	13
Страшноватая история	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктор Точинов

Хроники ЛИАПа или Сказки о потерянном времени

Пролог

Хорошо солнечным днем в конце мая прогуляться по центру Питера. Деревья цветут, птички поют, трамваи ездят, пьяные у ларьков матерятся – ну все прямо как десять лет назад. И даже о выборе маршрута задумываться не надо, ноги сами несут издавна знакомой дорогой – можно просто идти и смотреть на места, позабытые в суете последних лет.

Вот и маленький пешеходный мостик, сейчас набережная слегка изогнется, повторяя изгиб Мойки, и покажется до боли знакомое здание, цвет которого только с непривычки кажется мрачным – ЛИАП, Ленинградский Институт Авиационного Приборостроения, наша альма родная мать...

Здание, конечно, показалось. Куда оно денется с насиженного десятилетиями места. Просто я его не узнал поначалу. Как матери порой с трудом узнают постаревших блудных сыновей, так и я, ничего не понимая, смотрел на фасад, перекрашенный в желтовато-гнусный цвет. И не подозревал ведь до того момента, что страдаю аллергией на некоторые цвета...

Оказалось – страдаю.

По крайней мере этот цвет пробуждал нестерпимое желание вызвать на сцену автора шедевра колористики, и... Самое мягкое наказание, которое приходило в голову – поселить его, автора, где-нибудь напротив в комнате с большим окном и запретить пользоваться занавесками.

Но делать было нечего, и я опасливо приблизился к зданию, вдруг ставшему чужим. Бывшая альма матер все же отреагировала на возвращение питомца, десять лет не появлявшегося в ее стенах, – деревянные двери, высокие и старинные (хоть их не додумались окрасить, и на том спасибо) распахнулись, и на улицу повалила дружная толпа студентов. Похоже, только что закончилась очередная пара. Поневоле пришлось стоять под новой вывеской, на которой совсем другие слова складывались в совершенно незнакомую аббревиатуру, и пропускать этот встречный поток.

Мелькавшие, как в калейдоскопе, обрывки разговоров оставляли довольно странное впечатление. Кто-то клятвенно божился сегодня же отстегнуть за диски; кто-то радостно оповещал, что еще двадцать бонусных очков и он станет супервизором (судя по неподдельному ликованию, супервизорство было голубой мечтой его октябратского детства); речь одной милой на вид девушки я просто не понял: английские корни в сочетании с русскими суффиксами и падежными окончаниями напоминали адаптированный вариант пиджин-инглиша.

Правда, следом за этой пиджин-англичанкой проследовала троица, где доминировал плечистый молодой человек, свободно владеющий великой и могучей мовой родных берез. Подтверждая энергичными жестами не менее энергичные выражения, он повествовал спутникам о жестокой драке, из которой вышел безусловным победителем. Судя по вопросам слушателей, беспощадная схватка случилась не в темной подворотне или на пьяной вечеринке, но в виртуальном пространстве.

...Внутри тоже все изменилось. Я неохотно переставлял ноги по слабо узнаваемому коридору. И какой идиот придумал называть подобные уродства “евроремонтами” и “евростандартами”? Хитрые европейцы слишком пекутся о своем драгоценном здоровье, чтобы вот так

проводить долгие часы среди тонн токсичных турецких пластиков... Но арендаторы – ЗАО и ООО, скрывавшиеся за дверьми бывших аудиторий, – такими сомнениями явно не терзались.

И тут я развернулся и пошел обратно, так и не дойдя до отдела кадров, – черт с ним, отправлю запрос по почте, чтобы выслали необходимую справку. Иначе еще несколько шагов и всю оставшуюся жизнь при слове ЛИАП буду вспоминать *это*...

Я шел назад по нагретой солнцем набережной и вспоминал совсем другое. Лекции, экзамены, бывших друзей... Девушек с именами, уже почти забытыми, стройотряды с р-романтическими песнями под гитару, бесшабашные студенческие пьянки с традиционным лиаповским тостом “От винта!”

Вспоминал и чувствовал: многого уже не помню, новые впечатления уже стерли из памяти какие-то разговоры, чьи-то лица... А дальше будет хуже. И, чтобы не забыть...

В общем, пришел домой, сел за компьютер и настучал одним пальцем: “Шашин был доцентом кафедры АСУ, нашей выпускающей кафедры...”

Графинчик (легенда о доценте Шашине)

Шашин был доцентом кафедры АСУ, нашей выпускающей кафедры. Его русская физиономия вполне соответствовала фамилии и явно диссонировала с прочими корифеями кафедральной науки – преподавателем Кругом, преподавателем Плаксом, и преподавателем Кубраком.

Я ни на что не намекаю... Просто констатирую факт. Ни антисемитом, ни русским националистом я тогда не был (да и сейчас не стал): все сокурсники и преподы воспринимались как граждане великой империи, где нет ни эллина, ни иудея; и наша Илонка не воспринималась эстонкой, инородкой, нацменкой, а башкирское происхождение Салимы я осознал примерно на третьем году знакомства, попытавшись сдать не помню уж какой экзамен по ее конспекту – в некоторых словах буквы вроде русские, да не прочесть, второпях писала по-башкирски...

Так что в этническом составе преподавателей никто ничего странного не видел, к тому же *своим* они не протезировали (открыто и нагло, во всяком случае). Но вот доцент Шашин... Да...

Был он типичный русский мужик, от пашни, от сохи, от пивного ларька, и костюмчик доцентский смотрелся на нем как ватник с валенками на балерине. Не говоря уж о галстукке...

Зато очень шла Шашину опухшая похмельная физиономия, покрытая рыжей странной растительностью, – не то недоросшая борода, не то переросшая щетина. И неистребимое алкогольное амбре... Ну что поделаешь, не продавались тогда на каждом углу тик-таки и прочие антиполицайские выдумки, приходилось перешибать народными способами; и сдавать, к примеру, лабораторную работу все усаживались рядом, не напротив, спасаясь от мощного выхлопа.

А предмет шашинский назывался «Сети передачи информации», сокращенно СПИ, в просторечии СПИД. Тугой был предмет, никто его толком не знал, и сам Шашин, пожалуй, тоже.

И вот картина: зима, сессия, предэкзаменационная консультация. Сидит группа, задает бестолковые вопросы. Сидит Шашин, дышит перегаром, попивает воду из графинчика, дает еще более бестолковые ответы. И с каждым таким вопросом-ответом у группы растет и крепнет убеждение: СПИД не сдать!

А сдать ох как хочется, на дворе восемьдесят шестой год, студенты в коммерческих фирмах не подрабатывают, за полным отсутствием таковых. И пятьдесят пять ежемесячных рублей каждому жизненно важны, а тут перспектива такая мрачная открывается... (Для сравнения с современными ценами: посидеть в день стипендии во «Фрегате» с обильной выпивкой и хорошей закуской, а затем разъехаться по домам на такси обходилось примерно в червонец с носа. Были ж времена...)

Так вот, закончил Шашин консультацию, опорожнил графин, попрощался, ушел. А студенты не расходятся: сидят и тоскливо размышляют, что с ними послезавтра в этой самой аудитории произойдет, и как бы им грядущей лавины «неудов» избежать. И, глядя на осужденный доцентом графинчик, придумывают умные головы план: воспользоваться пресловутой доцентовой общечеловеческой слабостью. И тут же планчик реализуют: собирают с народа по гривеннику-полтиннику, командируют троих парней покрепче толкаться в водочную очередь, временно конфискуют в соседней аудитории однотипный графинчик...

От хлопот своих повеселели заговорщики, и жизнь не такой уж мрачной кажется, и стипендия на горизонте замаячила...

* * *

На экзамен группа в полном составе заявила к самому началу. Появляется Шашин, студенты напряженно в него всматриваются: какой? А видок-то у препода, надо сказать, самый похмельный, обнадеживающий, – экзамен как раз после старого Нового года случился.

Заходит первая партия сдающих в аудиторию, и у одного под курткой, на руку брошенной, графинчик. Заряженный, разумеется, водкой под самое горлышко. И пока все возле Шашина толпятся, внимание отвлекая, подменяет этот Копперфильд незаметно графины, и старый в дальний угол, под парту, от греха подальше.

Выбрали студенты билеты, расселись, пишут... А сами то на доцента, то на графинчик поглядывают.

Доцент не подвел. Оправдал ожидания. Послонулся по проходу уныло, сел за стол свой преподавательский... Посидел... Подумал... И налил-таки в стакан из графина полстакана жидкости! И залпом выпил!!

Не поперхнулся ведь, не закашлялся от неожиданности, – закаленный боец, ясное дело. Студизусы не дышат, момент критический и непредсказуемый, дальше пойти всяко может. Шашин лицом меняется и смотрит на студентов. А они на него. И все молчат.

Встает доцент и твердой походкой, с каменным лицом, так ни слова и не сказав, выходит. Начинается паника. Когда ждавшие в коридоре заговорщики сообщают, что потопал Шашин в сторону деканата, паника перерастает в самую черную депрессию. Время-то суровое, поход на алкашей в самом разгаре, и вдруг такой казус... Деканат, комсомол, тут уже не про стипендию разговор, такое дело уже отчислениями пахнет...

Короче, отдирают с треском заклеенную на зиму форточку, отправляют в нее не оправдавший надежд графинчик, а на его место тот, первый, с водичкой, и решают от всего отпираться: мол, вкусовая у доцента галлюцинация...

Входит Шашин – вид довольный, лицо просветлевшее, в руках две тарелочки общепитовские с салатиками и сосисками... И опять за стол! И закусточку неторопливо раскладывает! Растягивает, гад, удовольствие. Момент предвкушает.

Студенты тоже лицом светлеют, на стипендию уже плюнули, хуже не будет, сидят как в театре, глазют...

...Ох, и наставил же Шашин в тот день двоек! Абсолютный рекорд ЛИАПа за всю его историю. Лопухнулись ребята, забыли, что буфет с деканатом рядышком, да и в деканате, кстати, тоже люди сидят, тоже похмельем мучаются. В довершение всех обид и графинчик-то под окном через полчаса не нашли, только чьи-то следы в сугробе к месту падения – туда и обратно. Хорошо что хоть по черепу никому не попали, хоть кому-то повезло в этой мрачной драме, выпей, друг, и за наше здоровье...

Только по нашему выпей, по-лиаповски, вот так: полный стакан берется изогнутой под неммыслимым углом рукою и по пути к губам совершает быстрое винтообразное движение; лучшие асы выполняют этот высший пилотаж почти мгновенно и не пролив ни капли, и звучит при этом старинный, традиционный лиаповский первый тост:

– А-а-а-т винта!

Терминатор Дядькин

С доцентом Дядькиным, читавшим нам лекции по начерталке, тоже как-то раз обидный случай произошел.

У Дядькина машину угнали, синюю шестерку, пять лет отслужившую доценту верой и правдой. В милиции доцента не особенно утешили, сообщив, что шестерка наиболее популярная модель для угонщиков (в то время, иномарками не изобильное, так оно и было). И скорее всего едет уже доцентово средство передвижения с фальшивыми номерами в сторону солнечного Кавказа или не менее солнечной Средней Азии. Впрочем, добавили блюстители порядка, бывает, что воруют машины из озорства, либо для совершения другого преступления, либо по какой-нибудь еще мелкой надобности. Тогда, конечно, у доцента шансы на возврат имущества имеются.

Но Дядькин не особенно надеялся. Дядькин печально подсчитывал, через какое время он сможет купить новую машину, и арифметика получалась грустная...

Печальные свои математические выкладки доцент производил в автобусе, медленно одолевшем километры Таллинского шоссе. Случилась такая надобность у Дядькина – съездить в расквартированный в Красном Селе филиал НИИ Гипро-чего-то-там за корректурой нового своего научного труда. Труд представлял из себя не слишком толстую брошюрку, написанную в соавторстве с другим доцентом, из этого самого НИИ. Открытый, способных потрясти человечество, брошюра не содержала. Хотя и Эйнштейн с Лобачевским не прославились бы на избранном Дядькиным поприще. Наука, каменистую ниву которой трудолюбиво рыхлил наш доцент, именовалась инженерной графикой. Да и Дядькин был не Эйнштейн, если честно.

Так что никому эта книжица, разъясняющая непонятливым премудрости ГОСТов на оформление схем и чертежей, особо и не была нужна, кроме двух ее авторов. Дядькин не был научным графоманом, но плох тот кандидат наук, который не хочет стать доктором, а для защиты докторской диссертации без определенного количества напечатанных трудов не обойтись.

Вот и пришлось доценту, изрядно поотвыкшему от поездок в общественном транспорте, трястись в переполненном автобусе.

А ведь в троллейбусах-трамваях-автобусах кто ездит? У кого машину угнали, или у кого машина сломалась, или у кого ее, машины, сроду не было. Граждане, угнетенные и озлобленные собственной безмашинностью, притиснули Дядькина к боковому стеклу на задней площадке, против воли заставив любоваться пейзажем поселка Горелово. Пейзаж как пейзаж – осенний, унылый, кому-то очей очарованье, а кому-то авоськой, не иначе как кирпичами наполненной, в ребра тычут и на ногу постоянно наступить норовят. И вдруг...

И вдруг видит Дядькин на фоне унылого пейзажа припаркованную на обочине синюю машину. Сердце у доцента екнуло: до боли похожа на похищенную шестерку. Ну просто абсолютно похожа, вплоть до сувенира, болтающегося под зеркалом заднего вида, – олимпийского мишки.

Доцент при виде этого мишки чуть шею не вывихнул, пытаясь разглядеть номер, но ничего не вышло, угол больно острый. Неужели она?! Чудеса... Не бывает...

А тут как раз метров через двести остановка. Провернулся Дядькин намыленным штурмом сквозь злобно взывшую толпу, выскочил и трусцой поскакал назад, втайне опасаясь, что стал жертвой гнусного обмана зрения.

Ан нет, случаются порой чудеса и в нашей жизни. Авто оказалось именно дядькинское, что непреложно подтверждалось знаком государственной регистрации, в просторечии – номером.

Дядькин возликовал.

Ликование выражалось в довольно странном приплясывании на месте и неудачной, ввиду вызванной спринтом одышки, попытке спеть песню “Скакал казак через долину...”

Но очень быстро бурный восторг сменился вполне обоснованным подозрением: а вдруг неизвестные злоумышленники не бросили машину, закончив свои черные дела, – но всего лишь ненадолго отлучились?

И Дядькин настороженно посматривал на близлежащие дома, словно ожидая, что из какого-нибудь вот-вот выйдет знаменитая банда “Черная кошка” в полном составе с самим Горбатым во главе.

Банда не появлялась. Но их антиподов – блюстителей порядка – на расстоянии прямой видимости тоже не было: ни машин патрульных на трассе, ни пешего патруля, ни хотя бы одинокого участкового...

Телефоны-автоматы тоже не просматривались, а о мобильниках в те годы никто и слыхом не слыхивал. Бежать куда-то за помощью?.. Нет уж, упускать из виду чудесно обнаруженную собственность Дядькин не собирался, резонно опасаясь не пережить ее вторичное исчезновение.

Доцент уже было обдумывал вариант выворачивания ниппелей на всех четырех колесах с последующим рейдом по окрестным домам в поисках телефона, когда внезапно вспомнил, что ключи от машины так до сих пор и лежат в кармане.

Воровски озираясь, Дядькин запихал ключ в скважину – машина открылась легко; ужом проскользнул в салон, попробовал зажигание – двигатель завелся с полуоборота; глянул на датчик – бензина четверть бака. И поехал, постаравшись хорошенько запомнить окрестные дома: ну как в самом деле где-то здесь «малина» бандитская?

Ну а не изловят тут супостатов, так беда небольшая, главное – вернул свою красавицу ненаглядную...

Однако, едва доцент проехал сотню-другую метров, настроение его вновь кардинально изменилось. На смену первоначальному восторгу пришла жажда лютой, но справедливой мести.

Глядя на пепельницу, наполненную чужими бычками, и на испачканные коврики салона, Дядькин ощущал себя мужем изнасилованной женщины. Еще утром, еще полчаса назад ему хотелось одного: лишь бы нашлась машина, и бог с ними, с преступниками.

Теперь душа требовала их поимки, изоляции от общества, справедливого следствия и сурового приговора.

Тут Дядькин вспомнил кое-что из географии тамошних мест: неподалеку, в нескольких километрах, располагался большой, двухэтажный пост ГАИ, кишачий обычно вооруженным народом в погонах. Уверив себя, что преступные элементы всенепременно находятся в одном из окрестных подозрительных домишек, Дядькин вдавил педаль акселератора. Сейчас вернется с подмогой – узнают, гады, как богата лесами республика Коми...

Несется доцент по Таллинскому шоссе – пустынному, утреннему. Несется с пламенным гневом в горящих очах и с изрядным превышением скорости. Обгоняет, на разметку и знаки не глядя, – какие уж там правила, бандитов ловить надо!

Встречные от камикадзе Дядькина шарахаются, попутные тоже к обочине прижимаются от греха подальше, видят: мужик не в себе. Дай дорогу дураку, – говорят в таких случаях.

А тут за кустиком, как нарочно, притаился экипаж ДПС, подобно Засадному полку на Куликовом поле. Доцент патрульную машину в упор не заметил, пронесся мимо кометой Галлея. Глаза кровью налиты, смотрит только перед собой, нога жмет на газ, аж педаль в пол упирается. Арнольд Шварценеггер в погоне за Сарой Коннор, ага.

Возможно, наглость нарушителя, хамски проигнорировавшего свисток и взмах жезлом, пробудила в патрульных глубинную память. Возможно, выплыла из дремучих глубин милицейской памяти утренняя сводка, в которой вроде как упоминалась синяя шестерка...

Прыгнули гаишники в свою тачку, включилит мигалку с сиреной, – и тоже по газам. Один в бумаги глянул – точно, числится в розыске дядькинская машина. А судя по отчаянному поведению водителя, сидит в ней отпетый рецидивист, вполне вероятно – вооруженный. Они ему в динамик: “Синие жигули, немедленно остановитесь!” А Дядькин ноль внимания. В руль вцепился, ничего вокруг не видит и не слышит. Состояние аффекта. Боевое безумство, словно у викинга, причастившегося мухоморами. Да и звуки, надо сказать, на такой скорости сзади очень плохо доносятся.

Ну, патрульная машина расстояние сократила, а догнать не получается.

Берег доцент свое авто, в отличие от преследователей по грязи и ухабам не катался, зимой и осенью держал в гараже, стараясь выезжать пореже. Тут бы по уму гаишникам по радиации предупредить, чтоб заслон выставили против неукротимого Дядькина. Но они тоже люди, у них тоже нервы и азарт погони одолел их со страшной силой.

А может, сами решили отличиться, задержав опасного преступника. Короче, опускает один из них стекло и высовывается наружу с табельным Макаровым в руке. В стиле незабвенного Глеба Жеглова: “Как держать? – Нежно!!!”

По инструкции полагается в таких случаях делать предупредительный выстрел в воздух, а потом открывать огонь по колесам. Но Макаров, как известно, оружие совсем не снайперское, и даже старенький жегловский наган для такого случая сподручнее.

То есть первый выстрел, который в воздух, хорошо получился, попал куда надо. Правда, Дядькин его опять не услышал. Зато вторая пуля чиркнула по асфальту и рикошетом улетела в неизвестном направлении, третья следом за ней.

Ворошиловский стрелок скорректировал прицел и четвертым выстрелом попал таки в багажник, чуть правее номерного знака. Эффекта, впрочем, это совсем не принесло.

Ну точно бандит, уверился горе-Жеглов, отморозок со свежей «мокрухой», такому терять нечего... Уверился и решил стрелять на поражение.

Зрелище, конечно, было для поселка Горелово невиданное. Пистолет грохочет, пули свистят, двигатели натужно режут, всех прочих участников движения как метлой выметает. Прямо фильм “Терминатор”, часть вторая.

Дядькин на внешние раздражители отреагировал с сильным запозданием – только когда над ухом у него отвратительно вжикнуло, ударив звуковой и воздушной волной, а центр лобового стекла украсился аккуратной дырочкой калибра девять миллиметров. С расходящимися в стороны лучами-трещинками – все как в Голливуде.

Но отреагировал доцент своеобразно.

Первым делом попытался добавить газу, впрочем безуспешно. Почему-то в доцентову голову, окончательно потерявшую контакт с реальностью, стукнула мысль, что догоняют его злобные бандиты, заметившие исчезновение машины от своего логова.

Вторым делом Дядькин глянул наконец в зеркало заднего вида... И через секунду изо всех сил давил уже тормоз.

Водитель ДПС владел рулем лучше, чем его напарник пистолетом, и сумел избежать почти неизбежного столкновения. Потери стражей порядка в схватке с Дядькиным были минимальны – шишка средних размеров у стрелка, в момент резкого маневра как раз полезшего в салон за новой обивкой.

Доцентову же шестерку мигом вынесло с дороги, кювета там не было, а дерево либо столб не подвернулись...

Пока доцент судорожно пытался нащупать дверную ручку негнушимися пальцами, дверь резко распахнула снаружи. И Дядькин, выданный из машины, – с хрустом выданный, как зуб из челюсти, – ткнулся носом в пожухлую траву. Когда на его заломленных назад руках защелкивали наручники, он попытался невразумительно пояснить, что это ошибка, что надо

хватать тех, других, засевших в домике у дороги, который он сейчас укажет... Но лишь схлопотал по ребрам от блюстителя, набившего себе шишку.

* * *

Наград за геройскую поимку Дядькина ребята из ДПС, конечно же, не получили. Но хотя бы не пострадали за дурацкую стрельбу в поселке: повезло – не зацепили никого рикошетом. Доцента пытались привлечь за злостное неподчинение и оказание сопротивления. Спасло дачное знакомство с известным профессором-психиатром, заявившим, что в состоянии стресса и нервного потрясения Дядькин вполне мог быть слеп, как сова, и глух, как тетерев. К профессору, порой привлекаемому ГУВД в качестве эксперта в самых запутанных случаях, прислушались – отделался Дядькин штрафом, даже прав не лишился.

В последующих своих рассказах об этой эпопее Дядькин не то чтоб искажал события, но как-то так поворачивал повествование, что получался для слушателей весьма мужественным доцентом. Дырки от пуль, придававшие машине боевой вид, долго не заделывал. И втайне гордился полученным от студентов прозвищем – Терминатор.

Легенда о великом потопе

Все, кто учился в ЛИАПе после этой истории, хоть краем уха о ней слышали. А если и не все, то большинство уж наверняка. Однако же никто в точности не знает, как все происходило, потому как оброс легендарный случай домыслами и подробностями самыми фантастическими.

Я был очевидцем и даже отчасти участником всей эпопеи, а потом слышал позднейшие (спустя три года) ее изложения. Устное, так сказать, студенческое творчество. И теперь представляю, как зарождаются и развиваются легенды с мифами. Уверен, к примеру, что Георгий Победоносец изначально, в самом первом варианте истории о нем, был обычным мальчишкой, пристукнувшим на лесной тропинке палкой обычную гадюку. Ну, может быть, чуть крупнее обычной...

Итак, рассмотрим случай мифотворчества на конкретном примере.

...Случилось все в зимнюю сессию (если честно, чего только не случается в сессию!).

А в сессию ведь главное что? Сдать экзамены, блеснув знаниями? Ерунда, главное – раздобыть конспект, где эти самые знания содержатся. Ксерокс, между прочим, был в те времена аппаратом легендарным, и к светокопировальным его предшественникам тоже не подступиться, там Первый отдел бдит, как бы какую крамолу антисоветскую не размножили, каждая копия на строгом учете...

Отдельные умельцы фотографировали чужие конспекты и печатали в уменьшенном масштабе так называемые фотошпоры, – работа при тогдашней техники кропотливая и нудная, к тому же требующая целой кучи соответствующего оборудования. Остальные выкручивались как умели: писали бисерным почерком шпоры обычные. Готовили «крокодилы» – ответы на экзаменационные билеты, изложенные на листах нормального размера – и незаметно их вытаскивали на экзаменах. Некоторые странные личности даже зубрили конспекты от корки до корки – ботаники, как их ныне именуют.

Однако, какой подход к сдаче экзамена не выберешь, наличие конспекта – необходимое условие. Выщедить из груды учебников рассеянные в них крохи нудной информации – задача нереальная за два-три дня подготовки.

Каюсь, я конспектов почти никогда не вел, вечно на лекциях куда более интересные дела находились... Однако насчет предстоящего экзамена был спокоен, имея железную договоренность по поводу конспекта с девушкой из параллельной группы. А девушка-то отличница, ленинская стипендия плавно переходит в красный диплом, гордость курса, и не одной пропущенной лекции, и абсолютно разборчивый почерк, – в общем, не конспект у нее, а мечта двоичника и разгильдяя.

Короче говоря, пришли мы с приятелем Иванцовым (тоже жаждущим отхлебнуть из источника знаний посредством чужого конспекта) на экзамен той группы, где училась моя благодетельница. Не к началу пришли, разумеется, к середине примерно.

Видим, сгрудились еще не отвечавшие студенты в коридоре у окошка, конспекты листают лихорадочно. Перед смертушкой, как говорится, не надышишься...

Вот и она, спасительница-благодетельница: сидит на подоконнике и конспект свой драгоценный читает вдумчиво... И, по обыкновению задумавшихся людей что-либо теребить в руках, слегка покачивает трубу. Обычную такую трубу, водопроводную, дюймовую, свисает эта труба сверху, надо думать, идет от магистрали, под навесным потолком не разглядеть толком. Идет-то идет, да никуда не приходит – заканчивается в метре от пола заглушкой. Такое впечатление, что куда-то воду хотели подвести, передумали и бросили. А труба до сих пор висит. И теперь вот слегка раскачивается...

И почему-то мне это раскачивание сразу не понравилось, рычаг метра четыре получается, а сварщики у нас халтурят часто, и, поздоровавшись, снимаю я невзначай ручку девичью с

этой железины и вопросы задаю разные: как экзамен, мол, идет, как там доцент Фарафонов, сильно ли режет?

Спасительница отвечает механически, в конспект кося одним глазом, а рукой опять за трубу. Машинально.

Тут уж я уже открытым текстом воззвал: перестань, мол, оторвешь...

Улыбнулась отличница (по совместительству еще и спортсменка-баскетболистка не особо хрупкого, надо сказать, сложения), улыбнулась и качнула чуть сильнее... Тут все и началось.

Не то чтобы реакция у меня суперменская, но что-то в этом роде ожидал все-таки... И когда мне на голову рухнула труба заодно с двумя плитами навесного потолка, причем в сопровождении водяной струи, – ни головы, ни меня на том месте уже не было. Отпрыгнул, и отличницу за рукав отдернул, даже драгоценный конспект подмокнуть не успел.

А затем мы увидели зрелище довольно редкое. Можно сказать, для граждан, не бывавших на Дальнем Востоке, вовсе небывалое: курильский гейзер в перевернутом исполнении. В магистрале-то кипятик был под изрядным давлением... И ринулись ручки того кипятика во все стороны по полу, догоняя визжащих студенток.

А здание старинной постройки, из конногвардейских казарм переделанное, для учебного процесса приспособлено всё от конюшен до полковой кухни... Как следствие, мелких архитектурных странностей предостаточно. И одна из них в том, что пол в этом не сильно длинном коридоре на пару ступенек ниже, чем в двух соседних, – так что реки бурлящие довольно быстро превратились в живописное озеро с водопадом посередине. Открывайте навигацию...

Тут шум происходящего отвлек-таки герра профессора от экзамена. И открывая дверь, вопрошает этот Фарафонов громким профессорским басом: “Что у вас тут происходит???”

Причем, что характерно, фраза эта в процессе открывания двери и обозрения окружающей действительности потеряла на четыре октавы солидности и закончилась довольно позорным дискантом. Что происходит, что происходит... Банный день у нас происходит. В дурдоме.

Помещение густым паром затянуто, окна запотели, на подоконниках, забравшись с ногами, пара нерасторопных бедолаг робинзонит... Водопад шумит, народ шумит, видимость пять метров, и по озеру пресловутому забытый кейс дрейфует... И жара.

* * *

Наш ректор Лукошкин любил показуху.

Между прочим, в языках импортных термина схожего нету, что в свое время доставляло определенные трудности переводчикам демократических словоблудов, клянчивших на Западе денюжат на борьбу с КПСС. Но хорошей иллюстрацией к трудному для перевода слову могла бы послужить лиаповская аудитория номер двести тридцать восемь.

На фоне прочих аудиторий, раз в пять лет косметически прихорашиваемых, 238-я блистала.

Блистала полированной мебелью, спускающейся высоким амфитеатром к дубовой резной кафедре, над кафедрой – новёхонькая стеклянная доска бог весть с каким, но уж о-очень академически выглядящим покрытием, и над каждыми шестью рядами аудитории свисает с потолка по два телевизора. Не “Самсунги”, конечно, не то время, но цветные “Радуги” последней модели. Для слабых зрением, значит, студентов. Видеокамера, значит, передает на экраны, что там лектор на доске изображает. Камера, правда, тоже отечественная была, узкофокусная, и без сканирующего устройства, так что слабые зрением могли видеть только кусочек доски полметра на полметра размером, в связи с чем система использовалась только для демонстрации гостям ЛИАПа, начальствующим либо заграничным (и такие случались).

Да и лекции читались здесь весьма редко, в целях сбережения. Но в тот день происходил в 238-й экзамен. И не у простой группы, а у ципсовской. (Не слишком благозвучная аббревиатура ЦИПС расшифровывалась как целевая интенсивная подготовка студентов. Элиту готовили. Корифеев, стало быть, всяких наук, а не инженериков сто двадцатирублёвых, тоже пока-зуха сплошная.)

Ну, расселись эти ципсята за столики полированные, как положено. Билеты разобрали, втихаря из мест укромных достают шпаргалки, “крокодилы”, конспекты, а кто поленивее и понаглее, те и учебники. Даром что элита, списать не дураки тоже.

И тут над входом (а вход на самом верху амфитеатра) начинает капать. Легкая такая мартовская капля – водичка, пробиваясь через перекрытия, поостыла немного, зато изрядно загрязнилась и помутнела. Едва экзаменатор эту природную аномалию заметил и подошел к ней поближе, элита оживилась, стараясь перенести на экзаменационные листки максимум информации со вспомогательных пособий.

Борясь в течении пяти минут с нездоровым этим оживлением, потерял бедолага-препод драгоценное время для принятия решения – превратились очень быстро капельки в струйки, струйки в струи, и всё над дверью, и сквозь дверь эту единственную явно уже не выйти, не замочив репутацию.

Прибывающая водичка течет себе ручьем по вощёному дубовому паркету прохода и на каждой ступеньке маленький мутный водопадик образует. Учитывая окружающую обстановку, очень даже красивая картинка получается. Просто северная, блин, Швейцария. Экзаменатора из легкого ступора, вызванного этим пейзажем, вывел только грохот от падения здорового пласта импортной штукатурки типа “шуба”, и отдал он наконец приказ покинуть затопляемое помещение.

Студенты засобирались, нелегальную литературу обратно рассовывают, парням-то проще, почти у каждого лиаповца в те времена к подкладке пиджака под полами было по два огромных кармана подшито – не то что учебники, по четыре поллитровки носили совершенно незаметно. Куда же девушки хозяйство своё прятали, я умолчу. Не из скромности, просто нам с Иванцовым сверху из-за двери плохо видно было. Но телодвижения будущие корифейки наук производили довольно экзотичные.

И, подтянувшись берегом ручья к выходу, начинают отличники эти проскакивать через вертикальную стену теплой и грязной воды, с довольно плачевными для себя последствиями. Последним форсировал водопад препод, прикрывая голову дипломатом с зачетками. Выско-чил, посмотрел на костюм свой испорченный и убежал куда-то на сорванный экзамен жало-ваться.

* * *

Мы же с Иванцовым отправились ещё ниже, на первый этаж, и попали в захудалую лабораторию захудалой кафедры аэродинамики. Там было пыльно. Пылится в углу самолетный пропеллер, с пыльной фотографии довольно улыбались сотрудники давно упразднённой испытательной лаборатории ЛИАПа, стоящие над обломками взорвавшегося авиадвигателя, на сто-лах торчали пыльные приборы нерабочего вида и неизвестного назначения.

Среди этого запустения старенькая бабулька-уборщица в меру сил боролась с надвигаю-щимся бедствием – подставила под капающие в трёх местах с потолка капли тарелку, стакан и майонезную баночку. И нашим заверениям, что подставлять надо бочки, не поверила. И выгнала нас, чтоб не шлялись тут всякие. Не бывает пророков в отечестве.

* * *

Великий лиаповский потоп не растянулся, на манер библейского, на сорок дней и сорок ночей. Но и чересчур быстро не закончился – как обычно в таких случаях, институтские сантехники оказались весьма далеко от эпицентра событий, и отыскиали их далеко не сразу.

Однако злополучную трубу, в конце концов, перекрыли, а позже и заварили. А от очевидцев эпопеи пошли кругами версии событий, на каждом новом витке обрастая все новыми и новыми лихими подробностями: про обваренную кипятком секретаршу четвертого факультета (а на четвертом факе говорили, естественно, о втором), про безнадежно испорченные новенькие дипломы, выписанные шестикурсникам, про унесенную бурным потоком сумку со стипендией целой группы... По звучавшей спустя четыре года версии событий можно было смело ставить фильм-катастрофу, вроде «Титаника».

А самое смешное в истории то, что спустя год я женился на этой самой отличнице... На сокрушительнице труб. Что наша жизнь? Игра...

Страшноватая история

1. Жилищный вопрос

Как-то раз по осени двум подружкам из нашей группы повезло просто редко.

Чисто случайно, через дальних родственников близкой приятельницы их соседки, предложили девушкам квартиру снять, дешевую на удивление. А они, Ольга с Людой, будучи иногородними, в общежитии лиапковском обитали, что на улице Гастелло.

Но слово общежитие, честно говоря, к этой дыре было малоприменимо. Не знаю, как и выразиться: общепрозябание? общесуществование? обще-в-дерьме-замерзание? Велик и могуч родной язык, но единым словом э т о так сразу и не назовешь. Но не общежитие, это точно – *жить* в доме 15 по улице летчика-героя было невозможно.

Дом старый, после войны на скорую руку построенный пленными венграми (пленные немцы строили не в пример добротнее): зимой холодно, летом жарко, водопроводные трубы постоянно лопаются, канализация забивается, проводка перегорает. И фауна в изобилии, хоть «В мире животных» снимай – тараканы, клопы, мыши...

Вот для примера: садимся пить чай, включаем кипятильник в розетку – из розетки искры, дым; пробки – шелк! – темнота; на ошупь ставим жучка, по пальцам легкий электрошок – да будет свет!; кипятильник в другую розетку, только стал закипать – сверху пласт штукатурки – хлоп! – прямо на стол; пока эту гадость из стаканов вытрясаем, пробки – шелк! – опять темнота, возмемся подольше, электрошок посильнее, толстенный жучок поставили – да будет свет!; а по столу – шур-шур-шур – тараканы, в темноте набежавшие, от загаженного штукатуркой торта улепетьваются... Попили, блин, чайку в интимной обстановке...

Проще говоря, не общага это была, а настоящая школа выживания. После нее хоть куда можно: хоть в тундру, хоть в пустыню, хоть в очередь за водкой перед ноябрьскими праздниками – ничего не страшно.

А нашим девушкам еще и соседи-парни попались такие... не очень. Как выпьют (а пили постоянно), всё весьма навязчиво познакомиться нороят поближе. Знакомства такие Олю с Людой совсем не вдохновляли, и, едва прослышав о дешево сдающейся квартире, они в тот же день созвонились с хозяином и отправились прицениться к жилплощади.

Хозяин действительно запросил недорого, но – за год вперед. Был он жгучий брюнет с пронзительными черными глазами, из кабардинцев, а по профессии – эстрадный артист, работал в Ленконцерте. Фамилия, впрочем, ничего девушкам не сказала – не из знаменитых, понятное дело. По его словам, большую часть времени проводил он на гастролях, на самых дальних окраинах Союза, а когда изредка бывал в Питере – жил у гражданской жены. Потому и денег за весь год хотел, что не мог каждый месяц за ними являться.

На Люду внешность и манеры квартировладельца произвели довольно сильное впечатление, хотя по складу своего северного характера излишней впечатлительностью она не страдала. Чем-то мужественный профиль артиста напомнил ей обаятельного скрипача Паганини из популярного в то время многосерийного фильма...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.